

К 120-летию со дня рождения Л.С. Выготского (продолжение. Начало см. № 4'2016)

К истории научных отношений ученых

Борис Братусь

К ИСТОРИИ НАУЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ А.Н. ЛЕОНТЬЕВА И Л.С. ВЫГОТСКОГО*

***Аннотация.** Анализируется специфика научных взаимоотношений двух ведущих отечественных психологов – Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева. Показано, как первоначальные отношения учитель (Выготский) – внимательный ученик и последователь (Леонтьев) сменились размежеванием, поиском и отстаиванием своих собственных путей.*

Автор показывает динамику психологических идей этих ученых, освещает разные подходы к проблеме деятельности и личности, которые развели их в определенный период времени.

Значительное внимание уделяется научному творчеству А.Н. Леонтьева, которое пришлось на более поздние социалистические времена,

* Статья подготовлена на основе публикации работы: Братусь Б.С. «Слово» и «дело»: к истории научных отношений А.Н. Леонтьева и Л.С. Выготского // Национальный психологический журнал. – 2013. – № 1 (9). – С. 18–24. Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 13-06-00590.

продолжающие сопровождаться идеологическим давлением. Показано, как, несмотря на этот неблагоприятный фактор, Алексею Николаевичу удалось прийти к необходимости специального изучения личности, ее нравственно-ценностной сферы. Приводя ссылки на конкретные работы А.Н. Леонтьева, автор показывает эволюцию его идей, внутренний контекст его научных поисков, который привел к тому, что он фактически снял вопрос о принципиальном расхождении с Л.С. Выготским по проблеме переживаний и деятельности.

Автор предполагает, что в последние годы жизни А.Н. Леонтьев по своим взглядам приблизился к «позднему» Л.С. Выготскому, встав на сторону своего Учителя и одновременно, что нередко случается в научной жизни, – главного внутреннего оппонента. Сказанное подтверждает тот факт, что за два года до смерти (в 1977 году) А.Н. Леонтьев фактически снял вопрос о принципиальном расхождении с Л.С. Выготским по проблеме переживаний и деятельности.

Ключевые слова: теория деятельности; культурно-историческая школа психологии; история отечественной психологии; психология личности.

Abstract. The article comprehensively analyzes the specifics of scientific relations between the two leading Russian psychologists A.N. Leontiev and L.S. Vygotsky. It is shown how initial relationship between the teacher (L. Vygotsky) and an attentive disciple (A. Leontiev) was replaced disengagement, search and defense of their own views.

The author demonstrates the dynamics of psychological ideas of these two scientists. He highlights different approaches to the problem of activity and identity, which made them part in a certain period of time. Considerable attention is paid to the scientific work of A. Leontiev, who lived and created in the socialist times of ideological pressure. It is shown how in spite of this adverse factor Alexei Leontiev, the founder of the activity theory, where moral principles are out of place where a person becomes its “product”, managed to come to the need for a special study of personality, his/her moral value sphere. Referring to specific works of A. Leontiev, the author shows the evolution of A. Leontiev ideas as “leader of the Marxist psychology” in the internal context of his scientific research, which has led to the fact that he erased the fundamental differences with L. Vygotsky on the problem of experiences and activities.

The author suggests that in his last years A.N. Leontiev’s views were close to the “late” L. Vygotsky’s viewpoint, taking the side of his Master, an older friend, and at the same time, as it is a usual thing in the academic life, the main opponent. This proves the fact that two years before his death in 1977, A.N. Leontiev actually agreed with Vygotsky on the problem of experiences and activities.

Keywords: activity theory and cultural historical school of psychology; history of Russian psychology; personality psychology.

Л.С. Выготский
встал во главе
отечественной
культурно-
исторической школы

Общеизвестно, что у истоков отечественной культурно-исторической школы встал Л.С. Выготский. А.Р. Лурия сразу разглядел это, срезонировал, восхитился Л.С. Выготским и сумел организовать приглашение неизвестному тогда гомельчанину в Москву в Институт психологии. Но иницирующий импульс, создавший силовое поле школы, был дан, придан именно личностью и гением Льва Семеновича Выготского.

И если А.Р. Лурия, несмотря на молодость, представлял собой тогда научную единицу (был ученым секретарем института), то А.Н. Леонтьев в ту пору был совсем новичком.

В беседе с сыном А.Н. Леонтьев на склоне своих лет говорил: «Определение пути (самоопределение) связано со встречей с Л.С. Выготским. У меня было заполнение вакуума, у А.Р. Лурии – вытеснение похлебки. Разница между мной и Александром Романовичем в отношении к Л.С. Выготскому: мне повезло, что у меня был вакуум. А.Р. Лурия осваивал Л.С. Выготского в духе эклектики, у меня был пуризм» [1, с. 37].

Рефлексии на время
и опыт

А.Н. Леонтьев называет и время этой встречи – конец 1924-го или начало 1925 года. Легко подсчитать, что А.Н. Леонтьеву тогда было 21–22 года, а Л.С. Выготскому – 28–29 лет. Один – юноша, другой – немногим старше. Одному предстоит долгая жизнь, развернутая научная деятельность, в которой будут, конечно, тяготы, кризисы, неудачи, но которую увенчают многие годы заслуженного официального и неофициального признания, очевидного лидерства, безусловного авторитета, присуждение орденов, высших государственных наград в области науки, избрание в академики и пр. Другому – отпущено судьбой одно десятилетие научной работы, огульная критика под конец, почти на четверть века запрет имени, изъятие трудов сразу после смерти...

Но тогда они оба были молоды и, несмотря на малую разницу лет, Л.С. Выготский – учитель, А.Н. Леонтьев – внимательный ученик и последователь.

«Развитие памяти» –
главный итог
ученичества
и сотрудничества
с Л.С. Выготским

Как говорил сам А.Н. Леонтьев в той же беседе: «Л.С. Выготский дал установку: исследовать средства запоминания, средства внимания, квазислова как средство опосредствования при общении» [1, с. 38]. К 1928 году, спустя всего три-четыре года после первой встречи (каковы темпы!) А.Н. Леонтьев заканчивает свою ставшую впоследствии классической книгу «Развитие памяти» – вершину и одновременно главный итог ученичества и тесного сотрудничества с Л.С. Выготским.

Драматическое для реальной жизни начало размежевания и отстаивания своих путей

Далее постепенно начинается типичное для истории науки, но каждый раз драматическое для реальной жизни начало некоторого размежевания, поиска, апробирования и, наконец, отстаивания своих путей.

Основным поводом к осознанию накопившегося стал отъезд А.Н. Леонтьева для научно-исследовательской и преподавательской работы в Харьков. В своей автобиографии он писал: «В конце 1930 года получил приглашение принять участие в развертывании психологического сектора Украинской психоневрологической академии. С 1931 года я стал систематически работать в Харькове, заведую отделом общей и генетической психологии академии и профессором, заведующим кафедрой психологии Медико-психологического института» [2, с. 341].

«Тройка» работала в Харькове

Повторяю, это был повод, потому что сугубо формально отъезд А.Н. Леонтьева не прекращал связи внутри «тройки»: Л.С. Выготский и А.Р. Лурия были также приглашены в Харьков, неоднократно приезжали туда для чтения лекций, работы, подведения итогов исследования.

Но в прежних внутренних отношениях настали явные перемены.

Обратимся к непосредственным свидетельствам самого А.Н. Леонтьева: «1931–1932 гг.: рождается харьковская школа.

Внутренняя расстановка в школе Выготского была драматична

Внутренняя расстановка в школе Выготского была драматична. Конфронтация двух линий на будущее.

Моя линия: возвращение к исходным тезисам и разработка их в новом направлении. Исследование практического интеллекта (= предметного действия). Известное место в «Фаусте» Гёте: дело не в этом. Общение – демиург сознания? Общение – демиург значения? Какая подпочва? Если не все дело в «деле»?

Линия Выготского: аффективные традиции, эмоции, чувства. Это – за сознанием. Жизнь аффектов: отсюда поворот к Спинозе.

Я: практика.

Л.С. Выготский: свобода поиска подходов. Но не более! Огорчение (по моему поводу).

Апогей расхождений – 1932 г. (после доклада), начало 1933-й.

Позиция Выготского – в «мышлении и речи», глава «Мысль и слово», особенно предисловие: «За интеллектом искать аффект» (последнее, что он написал!).

У Выготского осталось все, у меня – все сначала.

В Харькове возникали свои трудности, но была безоговорочная поддержка сотрудников» [1, с. 40].

Расхождение было четко обозначено и в рукописных «Материалах о сознании»

Что же имелось здесь в виду под «старым»?

Основная ошибка Л.С. Выготского, с точки зрения А.Н. Леонтьева

Комментарии на первоисточники

Очень четко расхождение обозначено и в рукописных «Материалах о сознании» 1940–1941 гг.: «Психологическая концепция, развивавшаяся Л.С., была оригинальной, новой, но это новое оставалось внутри старого [3, с. 40].

Чуть ниже в тех же материалах о сознании А.Н. Леонтьев написал: «В начале было дело (затем стало слово, и в этом все дело!)» [Там же]. Как студент, позже сотрудник кафедры Алексея Николаевича я не раз слышал сходные пассажи от него самого, и звучало это, как и вообще многие речи А.Н., очень выразительно. «В начале было дело», – доверительно глядя в глаза, серьезно сообщал А.Н. знаменитую фразу из гётевского «Фауста». Затем, выдержав паузу, необходимую, чтобы собеседник оценил всю значимость услышанного, несколько веселее и тоном выше: «Но дело было и потом». И, наконец, еще немного помолчав, с лукавой улыбкой, как важный вывод: «И в этом-то все и дело!» [Там же].

Здесь мы подошли к той самой «основной проблеме», разные подходы к которой развели в рассматриваемый нами период двух ученых. На эту проблему не раз указывал в приведенных цитатах сам А.Н. Леонтьев, она в вопросе (поистине фундаментальном), что в начале – «дело» («затем слово, и в этом все дело») или «слово» (лежащие за ним общение, аффект, знак). Первая линия – раннего Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева, вторая – позднего Л.С. Выготского.

В конце 30-х А.Н. Леонтьев так видел основную ошибку Л.С. Выготского: она «состояла в том, что: 1 – предмет не был понят как... предмет деятельности человека; 2 – обыкновенная практическая деятельность продолжала казаться чем-то, что только внешним образом зависит от сознания» [Там же]. Тем самым не «дело» и деятельность были демиургами, а сознание и стоящее за ним «слово». Недаром, определяя «старое», внутри которого «новое» Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьев назвал его «словоцентризм систем» [Там же, с. 23].

Теперь, после цитирования первоисточников, приведем два комментария: один принадлежал биографу А.Н. Леонтьева, его сыну – профессору Алексею Алексеевичу Леонтьеву, другой – представителю иной, полемизирующей с леонтьевской парадигмой, верному ученику и последователю С.Л. Рубинштейна профессору А.В. Брушлинскому.

А.А. Леонтьев констатировал: А.Н. Леонтьев и сотрудники его харьковской группы считали, что Л.С. Выготский сделал шаг назад, акцентируя внимание на проблеме

единства аффекта и интеллекта, сосредоточиваясь исключительно на значении как единице сознания [4].

Сходную оценку дал и А.В. Брушлинский, который не был сторонником ни Л.С. Выготского, ни А.Н. Леонтьева (поэтому равно отстраненно к ним относился): «В теории Выготского средства оторваны от того, средством чего они являются... В этой теории средство (слово – знак) превращается в демиурга мышления и вообще психики у детей. Если субъектно-деятельностная концепция исходит из того, что в начале было дело, то для теории Выготского в начале было слово (хотя он иногда будто бы не соглашается с этим положением из Библии). Гипертрофия (абсолютизация) средств и, прежде всего, словесных знаков как главных и даже единственных оснований психического развития человека уводит в сторону от теории (изначально практической) деятельности...» [5, с. 123].

«Словоцентризм»
отнюдь не отрицал
классического
«в начале было
дело»

Разумеется, для позднего Л.С. Выготского (учитывая все его оговорки) «словоцентризм» отнюдь не отрицает леонтьевско-рубинштейновское «в начале было дело» (в этом плане эти две несколько различающиеся теории деятельности – леонтьевская и рубинштейновская – едины). Однако именно «словоцентрический» посыл Л.С. Выготского открывал путь к рассмотрению (оправданию) наддеятельностных смысловых пространств, что единственно, на мой взгляд, дает возможность понимания личности как совершенно особого уровня опосредствования. Напомню, что опосредствование есть предельно широкое и фундаментальное явление, которое «характеризует абсолютно все без исключения уровни и сферы бытия, то есть оно является универсальной, всеобщей категорией, распространяющейся на Вселенную в целом и на все ее subsystemы» [5, с. 124]. Как замечал далее А.В. Брушлинский, любая деятельность есть также и опосредствование, но не наоборот: далеко не всякое опосредствование есть деятельность [Там же]. Личность в этом плане – наддеятельностное опосредствование, хотя и может реализоваться в тех или иных конкретных деятельностно-опосредствованных формах. Поэтому деятельность была разомкнута в смысловое пространство, а не замыкала его в себе.

Сама возможность
свободы и автономности
от деятельностной
бытийной обусловленности
звучала тогда как
растрельная крамола

Перспективы разработки такого понимания в те годы в Советском Союзе были равны нулю (или даже минусовым отметкам): наддеятельностное понимание личности, ее свобода и автономность, скажем аккуратнее – сама принципиальная возможность свободы и автономности от деятельностной бытийной обусловлен-

Вероятность
появления
блестящей
смысловой
концепции личности

ности, звучали бы как расстрельная крамола. Можно только гадать (мечтать), что было бы, если бы Л.С. Выготский прожил еще хоть года три без давления партийной власти и что успел бы сделать (при его-то темпах) в этом направлении.

Можно не сомневаться: *появилась бы блестящая смысловая концепция личности*. В отличие от главенствовавших «поведенческих» и «глубинных», *она была бы «вершинной» или «акмеистической»* (термины самого Л.С. Выготского) и ее бы с благодарностью изучал и использовал бы по сию пору весь психологический мир.

Но история не терпит сослагательных наклонений. Смысловой подход, «динамические смысловые системы» станут реально востребованы в отечестве лишь лет сорок спустя. И это случится, благодаря, прежде всего, А.Н. Леонтьеву, то есть тому, кто в разбираемый период начала 30-х годов XX века был главным идейным оппонентом нового и, как мы знаем теперь, последнего хода мыслей Л.С. Выготского.

* * *

В СССР в 60–70-х
годах стало
приоритетным
изучение
психических
функций с позиции
теории деятельности

В 60–70-х годах приоритетным стало изучение психических функций с позиции теории деятельности ощущения, восприятия, внимания, памяти, мышления. На небольшом, недавно образованном факультете психологии МГУ только по тематике восприятия тогда работало сразу несколько хорошо оборудованных (главным образом за счет выполнения заказов Министерства обороны), часто остро полемизирующих друг с другом лабораторий (например, под руководством В.П. Зинченко, Ю.Б. Гиппенрейтер, самого А.Н. Леонтьева и др.).

Успехи этого направления были несомненны, составляя, по сути, главное содержание научных исследований факультета психологии МГУ. Но была и другая, менее броская линия интересов А.Н. Леонтьева – только нарождающаяся тогда в стране психология личности.

Общая ситуация
стала медленно
поворачиваться в
сторону изучения
личности и эмоций

И хотя мы, в те годы начинающие «личностники»: А.Г. Асмолов, Б.С. Братусь, Е.Т. Соколова, В.В. Столин, Е.В. Субботский, В.Ф. Петренко, Л.А. Петровская, А.У. Хараш и др., были в явном меньшинстве и, как нам иногда казалось, «в загоне» (так что нередко ворчали на засилье тех, кто изучал перцептивные процессы, шутили, что факультет психологии надо переименовать в факультет восприятия), тем не менее общая ситуация на факультете стала медленно поворачиваться в сторону изучения мотивации, эмоций, личности.

Создание
неформальной
межкафедральной
группы по изучению
психологии
личности

А.Н. Леонтьев, безусловно, стоял у истоков этого изменения. Более того, с середины 60-х годов он стал все чаще оценивать свою работу в области мотивации и личности как самую главную*.

Атмосфера факультета способствовала созданию в 70-х годах неформальной (как тогда говорили – на общественных началах) межкафедральной группы по изучению психологии личности (другое ее название – по изучению смысловых образований личности). Идея такой группы, ход и первые итоги ее работы не раз обговаривались с А.Н. Леонтьевым. Я как руководитель группы, А.Г. Асмолов как мой заместитель встречались и советовались по поводу проблематики и задач группы также с А.В. Запорожцем, Б.В. Зейгарник, П.Я. Гальпериным, Л.С. Цветковой и другими. В работе группы на разных этапах участвовали: Н.Н. Авдеева, Е.З. Басина, Л.В. Бороздина, О.М. Дерябина, Е.Е. Насиновская, Л.А. Петровская, В.А. Петровский, А.А. Пузырей, В.Э. Реньге, Е.Т. Соколова, А.С. Спиваковская, Е.В. Субботский, К.Г. Сурнов, А.У. Хараш, Е.И. Шлягина и др.

Появление
монографии
«Деятельность.
Сознание. Личность»

В 1975 году выходит последняя, очень значимая монография А.Н. Леонтьева «Деятельность. Сознание. Личность».

В триаде, вынесенной в название книги, понятие деятельности – центральное, стержневое, пронизывающее. Самостоятельных разделов «Сознание» и «Личность» там нет: соответствующие главы называются «Деятельность и сознание», «Деятельность и личность». Однако последний раздел привлекал все же особое внимание, поскольку развернутые исследования в области

* В конце жизни А.Н. Леонтьев намеревался написать автобиографию и составил к ней план-конспект, в котором отрефлексировал то, что считал для себя наиболее важным в тот или иной период жизни. Напротив 1960 г. написано: «Личность (Я и общество: инфраструктура и суперструктура)» [2, с. 137]. В исследовании В.Ф. Петренко, где представлены результаты психосемантического анализа работ леонтьевской школы, показано нарастание, начиная с 70-х годов, тенденции к изучению психологии личности [6]. Эволюция в этом направлении может быть прослежена и в научных судьбах действующих лиц. Многие из лидеров исследования восприятия, ярко показавшие себя в 60–70-е годы, давно и добровольно покинули это поле научной битвы. Например, две ведущие фигуры в области изучения восприятия, два тогдашних заведующих лабораториями психологического факультета МГУ – Ю.Б. Гиппенрейтер и В.П. Зинченко. Первая увлеклась гуманистически ориентированной психотерапией, второй – философией психологии.

А.Н. Леонтьев
намеревался
обратиться
к изучению личности
еще в молодости

психологии личности либо не проводились вовсе, либо были скованы жесткими идеологическими рамками.

Обратиться к изучению личности А.Н. Леонтьев намеревался еще в молодые годы. В письме к Л.С. Выготскому накануне своего отъезда в Харьков он писал: «Главное: личность как субъект психологического развития, то есть проблема активного психологического развития, вот тут проблема психологической культуры личности (свободы!) и отсюда ближайшие этические проблемы» [7, с. 234]. В известном смысле он возвращался к этому «главному» спустя десятилетия, в которых это было запрещенным и опасным делом. Можно предположить, что он вспомнил о том, о чем и не забывал, но прятал от своих и чужих глаз (фрейдист бы сказал: «вытеснял») в дальний угол, заваленный для маскировки идеологической мишурой, чтобы при первой возможности вернуться к сокровенному.

Впрочем, и в этой публикации развернутых прямых рассуждений о «свободе» (да еще и с восклицательным знаком) и «этических проблемах» нет.

Подцензурные годы
не прошли даром...

Подцензурные годы не прошли даром, да они и не закончились тогда, хоть и перестали быть столь жесткими. Однако, если очень внимательно смотреть на текст, вернее сквозь текст, можно увидеть «на просвет написанного» нечто, намекающее на эти реалии*. Так, в конце главы «Деятельность и личность» повторяется высказываемая также в других источниках леонтьевского круга мысль о том, что в рамках теории деятельности определяющими для понимания личности являются вопросы о структурированности, иерархизированности мотивов и о вариантах схождения их к одной или нескольким точкам притяжения. Они обуславливают направленность личности, подчиненность ее главному или главным жизненным мотивам (А.Н. Леонтьев, Л.И. Божович, М.С. Неймарк и др.).

«Смысловые
единицы жизни
могут собираться как
бы в одну точку...»

Наряду с этим фактом появляется новое важное добавление: «Смысловые единицы жизни могут собираться как бы в одну точку, но это формальная характеристика. Главным остается вопрос о том, какое место

* Издательский редактор этого знаменитого труда С.Л. Воробьев рассказывал автору о сложности работы именно над этой частью книги, тогда как остальные были, на его взгляд, более ясно и четко изложены. Дело дошло до того, что однажды, когда вопросы редактора стали особенно вездливыми и требовательными, А.Н. Леонтьев воскликнул: «Поймите, я сам знаю, что этого недостаточно, но это сейчас все, что я могу сказать о личности». И добавил в сердцах: «Не подходит – не печатайте вовсе».

занимает эта точка в многомерном пространстве, составляющем реальную, хотя не всегда видимую индивидом, подлинную действительность» [8, с. 220]. Суть этого добавления, обозначенного как главное, остается нераскрытой и объяснить ее, например, студентам (знаю по опыту преподавания) очень трудно. В самом деле, трудно растолковать, что же это такое – «реальная, хотя не всегда видимая индивидом, подлинная действительность»?

Приводимая А.Н. Леонтьевым далее литературная иллюстрация, казалось бы, должна прояснить дело: «Вся жизнь Скупого рыцаря направлена на одну цель: возведение “державы” золота». Эта цель достигнута («кто знает, сколько горьких воздержаний, обузданных страстей, тяжелых дум, дневных забот, ночей бессонных все это стоило?»), но жизнь обрывается ничем, цель оказалась бессмысленной. Словами «ужасный век, ужасные сердца!» заканчивает А.С. Пушкин трагедию о Скупом» [Там же].

Мы можем понимать, что с условным Скупым рыцарем не все ладно в личностном плане...

Однако если перенести героя А.С. Пушкина в современный мир, то он окажется банкиром, дающим деньги под проценты и тем самым наращивающим свое богатство. Он не заполняет драгоценностями «верные сундуки», а любит прибавлением нулей на своих банковских счетах, которые по первому же желанию могут обернуться дворцами, яхтами, футбольными клубами, равно как купленными местами в парламенте, сенате и т.п. Для многих сегодня такой человек – пример для подражания, постановки аналогичных целей, а отнюдь не объект жалости, сожаления, вызывающий желание помочь, например предложить курс психотерапии.

Конечно, интуитивно мы можем понимать (вернее – чувствовать), что с условным Скупым рыцарем (или банкиром) не все ладно в личностном плане, но что именно и что должно противопоставляться этому «неладному»?

Иная личность складывается, когда ведущий мотив-цель возвышается до истинно человеческого

А.Н. Леонтьев разъяснял: «Иная личность, с иной судьбой складывается, когда ведущий мотив-цель возвышается до истинно человеческого и не обособляет человека, а сливает его жизнь с жизнью людей, их благом» [Там же, с. 221]. Если мы согласимся с этим, возникнут вопросы: что есть «истинно человеческое», что есть «благо», что представляет собой та сфера, от соотнесения с которой зависит соединение или обособление от людей и человечества?

Ответы на задаваемые вопросы в монографии А.Н. Леонтьева не представлены

Ни сами эти вопросы, ни тем более ответы на них в книге не представлены, хотя это не значит, что А.Н. Леонтьев не думал о них и не мучился над ними. Но вопросы и ответы находились уже в иной, нежели

Как можно было тогда открыто и прямо сказать, в чем главная суть личности?

Речь должна идти о сфере нравственной

Идея значимости нравственной сферы явно противоречит исходным постулатам теории деятельности

Напряженное движение мысли А.Н. Леонтьева продолжалось до конца его жизни

психология, области, которая не могла быть сведена к одним марксистским формулировкам, рамки которых советский ученый не позволял себе преступать.

Действительно, как можно было тогда открыто и прямо сказать, что главная суть личности не в ее социальных успехах, не в размахе деятельностных деяний, не в громаде планов и свершений на благо коммунистического завтра, а совсем в других плоскостях? И как же тогда быть с постулированной первичностью экономического базиса, бытием, всегда определяющим сознание, и прочими несдвигаемыми глыбами идеологии?

Между тем, если называть вещи своими именам, то речь должна идти о сфере нравственной, о предельных ценностях и смыслах, выходящих за грань конкретных деятельностей. Виктор Франкл называл их «сверхсмыслами». Эти предельные (далее неразложимые) смыслы должны быть поняты не только как вторичные, факультативные, дополняющие деятельность образования. Более того, деятельность тогда выражает (с большей или меньшей полнотой) стоящие за ней, освещающие ее предельные смыслы жизни. Л.Н. Толстой писал, что люди только делают вид, что воюют, торгуют, строят. *Главное, чем они занимаются, что делают всю жизнь, – это решают нравственные задачи. Именно это и составляет главное дело человечества.*

Значит, именно на это намекал в конце своей жизни основатель теории деятельности, когда писал о «реальной, хотя не всегда видимой индивидом, подлинной действительности» как о главном для понимания и оценки личности?

Если так, то это явно противоречит исходным постулатам теории, где нравственным началам (тем более их превалированию и априорности) нет места, где смыслы порождаются в деятельности, ее обслуживают и исчезают вместе с иссяканием ее. Личность, пригибая голову, входит под сень деятельности, становясь ее «внутренним моментом», «продуктом». Да и не могло быть иначе, если «в начале было дело» и, как постоянно приговаривал А.Н. Леонтьев на лекциях: «Дело было и потом, в том-то все и дело».

Особо надо заметить, что хотя «Деятельность. Сознание. Личность» – последнее крупное произведение А.Н. Леонтьева, но напряженное движение мысли ученого продолжалось до самого конца его жизни. Поэтому книга не была, как сейчас полагают многие, окончательным итогом творчества ученого. Уже после ее издания он выступил с рядом публичных сообщений, в кото-

рых намечались очень важные, принципиальные шаги, ведущие, по сути, к прорыву, размыканию «объятий» деятельности. Об этом можно судить, обратившись к рукописным заметкам под названием «О предмете психологии личности», опубликованным посмертно. Отметим здесь лишь два положения. Первое состояло в том, что личность постулировалась как «*системное*» и поэтому «*сверхчувственное*» качество, хотя носителем этого качества является вполне чувственный телесный индивид со всеми его прирожденными и приобретенными свойствами» [9, с. 385]. Второе состоит в следующем. Вплоть до последней книги А.Н. Леонтьева, личность – «момент деятельности», и отсюда – «изучение личности составляет специальную, хотя и не отдельную проблему» [8, с. 159–160]. В последних работах качественно иной подход: «проблема личности образует новое психологическое измерение: *иное*, чем измерение, в котором ведутся исследования тех или иных психических процессов...» [9, с. 385].

Возможное влияние тогдашней научной молодежи на последние подходы к проблеме личности А.Н. Леонтьева

В качестве очень маловероятной гипотезы могу выдвинуть предположение, что в какой-то (пусть крайне малой) степени в движении этих мыслей сыграла роль тогдашняя научная молодежь, в частности уже упомянутая межкафедральная группа. Косвенно это можно подтвердить ссылками на мою аналитическую записку о работе этой группы в некоторых поздних выступлениях А.Н. Леонтьева. Я помню наши тогдашние живые реакции. Е.В. Субботский, например, был особо доволен тезисом о личности как «сверхчувственном» образовании: «Можем спокойно работать, если что не так, то скажем – она сверхчувственная, прямо не измеришь».

Внутреннее движение А.Н. Леонтьева к нравственно-ценностной сфере

Если учесть эти нововведения (а в то время каждое публичное слово А.Н. Леонтьева было очень значимым), то внутреннее движение А.Н. Леонтьева (пусть и не явно означаемое внешне) к нравственно-ценностной сфере предстанет еще более рельефно. Конечную точку, вернее, точку, намеченную для восхождения на вершину этого движения, можно увидеть в одной из дневниковых записей ученого 1974 года: «Психология личности есть психология драматическая. Почва и центр этой драмы – борьба личности против своего духовного разрушения. Эта борьба никогда не прекращается» [10, с. 241].

Слово «духовное» отражало внутренний контекст его поисков

Слово «духовное» появляется тогда отнюдь не как случайное и внешнее по отношению к лидеру марксистской психологии, предположительно, оно отражало (могло отражать) действительный внутренний контекст его поисков.

Чтобы косвенно подтвердить гипотезу о возможности именно такого рода динамики отношений к психологии личности, приведу свидетельство человека не из близкого окружения А.Н. Леонтьева, *поэтому достаточно объективного*.

«Он ждал часа для более откровенных проникновений в главную проблему человека – Веры, Духа, Смысла...»

В.А. Пономаренко, слушавший его лекции, работавший с ним в 70-е годы в экспертном совете ВАК и при создании Института психологии Академии наук, вспоминал: «Легко, убедительно, с языковым изяществом использовал марксистское учение об условиях развития человека в общественной системе социализма. Редко и с осторожностью касался теоретического рассмотрения проблем бессознательного духа, трансцендентных сторон сознания. Однако чувствовалось, что он ждал часа для более откровенных проникновений в главную проблему человека – Веры, Духа, Смысла как данности для выбора своего места и предназначения. Не исключено, что он, наблюдая человека праздного, нередко пустого, мелкого, с дрянненькой душонкой, вне принципов и позиций вообще, общественного зверька с желтыми белками завистливых глаз, винился перед Богом за свой окольцованный материализм, не подпустивший его к решению им же поставленной задачи – «осуществить тенденцию превращения психологии в науку о живом человеке, в науку о самом важном» [11, с. 15].

«Нравственность – самая наболевшая тема в общежитии и самая темная для науки»

Писатель В.Ф. Тендряков, сосед А.Н. Леонтьева по даче, оставивший о нем прекрасные воспоминания, писал: «Мы редко говорили о нравственности, самой наболевшей теме в общежитии и самой темной для науки. Но чего бы мы ни касались, эта тема постоянно ощущалась в умолчаниях и недомолвках» [12, с. 273].

Позволю себе личное воспоминание. В 1975–1976 годах я написал брошюру для издательства «Знание» и обратился к А.Н. Леонтьеву с просьбой дать рецензию на нее. Дело было после заседания кафедры. Алексей Николаевич выглядел усталым и озабоченным. Он выслушал просьбу, согласился, сказав, чтобы я принес макет («рыбу») рецензии, лишь потом спросил о теме работы. Я ответил: «Психологические аспекты нравственного развития личности». Леонтьев сразу стал сосредоточенным, внимательным (он умел мгновенно переходить от одного состояния к другому), с удивлением (брови на его выразительном лице взлетели вверх) посмотрел на меня и сказал: «Это очень серьезно. Принесите рукопись, я сам напишу рецензию». Удивление, думаю, было вызвано тем, что он не ожидал от меня такого поворота: я пришел в общую психологию из

А.Н. Леонтьев
способствовал
развитию
межкафедральной
группы

патопсихологии, писал до того об аномалиях личности и психологических проблемах алкоголизма, он в шутку величал меня иногда «главным алкоголиком». Что касается той брошюры, то после рецензии А.Н. Леонтьева она вышла массовым тиражом в серии «Этика» издательства «Знание» [13].

После этого эпизода начались редкие, но драгоценные для меня личные встречи с А.Н. Леонтьевым, которые, в частности, способствовали созданию и работе межкафедральной группы по изучению личности, о которой шла речь выше. Думаю, что одна из причин сближения – это обнаруженная в моих работах нравственно-ценностная направленность, затрагивавшая внутренний (во многом запятанный) интерес к этой теме и самого Алексея Николаевича. Особо памятна мне последняя встреча – незадолго до его кончины. Он был уже тяжело болен и принял А.Г. Асмолова и меня у себя дома. Сначала сидел за столом, затем, устав, прилег на кушетку. Как всегда, в беседах с ним речь шла не только о науке и рабочих моментах, ради которых он непосредственно вызывал нас, но и о многих – смежных и не совсем смежных – предметах.

Собеседником
А.Н. Леонтьев был
необыкновенным
и завораживающим

Собеседником А.Н. Леонтьев был необыкновенным и завораживающим. В этот раз среди прочего заговорили об общих принципах философии человека. Помню: Алексей Николаевич твердо сказал как о чем-то важном, продуманном для себя, что расхожее утверждение, принадлежащее В.И. Ленину (кочевавшее тогда из одного советского учебника в другой), будто К. Маркс кардинально исправил Г.В.Ф. Гегеля, перевернув его (его теорию) «с головы на ноги», – неверно. «Это была ошибка, на самом деле, – убежденно и даже с горячностью заключил А.Н. Леонтьев, – Гегель стоял правильно». И, помолчав, добавил: «Много чего вышло от этого “переворота”».

По сути, это могло означать позднее признание А.Н. Леонтьевым значимости идеальных метафизических оснований как главных, определяющих, составляющих для человека ту самую трудноуловимую и одновременно совершенно «реальную, хотя и не всегда видимую индивидом подлинную действительность». В этом плане «дело» уже не столь категорически преобладало над «словом».

К концу жизни
А.Н. Леонтьев фактически снял вопрос о принципиальном расхождении с Л.С. Выготским

За два года до смерти (1977) А.Н. Леонтьев фактически снял вопрос о принципиальном расхождении с Л.С. Выготским по проблеме переживаний и деятельности, прямо признав: «Альтернатива 30–31 годов оказалась не альтернативой, а необходимой линией движе-

ния психологического исследования. Не *или-или*, а обязательно *и-и!*» [14, с. 12].

Так поздний А.Н. Леонтьев приближался к позднему Л.С. Выготскому, опять встав на сторону своего Учителя и одновременно, что нередко в научной жизни, – главного внутреннего оппонента.

1. *Леонтьев А.А.* Алексей Николаевич Леонтьев рассказывает о себе // Вопросы психологии. – 2003. – № 2. – С. 33–41.

2. *Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова Е.Е.* Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность. – М., 2005.

3. *Леонтьев А.Н.* Философия психологии. Из научного наследия / под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. – М., 1994.

4. *Леонтьев А.А.* Деятельностный ум. – М., 2001.

5. *Брушлинский А.В.* Деятельность и опосредствование // Психологический журнал. – 1998. – № 6. – С. 118–126.

6. *Петренко В.Ф.* Школа А.Н. Леонтьева в семантическом пространстве психологической мысли // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н. Леонтьева. – М., 1999.

7. *Леонтьев А.Н.* Становление психологии деятельности: ранние работы. – М., 2003.

8. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1977.

9. *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения: в 2 т. Т. 1. – М., 1983.

10. *Леонтьев А.Н.* Из дневниковых записей // Избранные психологические произведения: в 2 т. Т. 2. – М., 1983.

11. *Пономаренко В.А.* Психологическая нравственность ума и души А.Н. Леонтьева // Мир психологии. – 2003. – № 2. – С. 10–20.

12. *Тендряков В.Ф.* Проселочные беседы // А.Н. Леонтьев и современная психология: сб. статей памяти А.Н. Леонтьева. – М., 1983.

13. *Братусь Б.С.* Психологические аспекты нравственного развития личности. – М., 1977.

14. *Леонтьев А.А.* Творческий путь А.Н. Леонтьева // А.Н. Леонтьев и современная психология: сб. статей памяти А.Н. Леонтьева. – М., 1983.

References

1. Leont'ev A.A. Aleksej Nikolaevich Leont'ev rasskazyvaet o sebe. In: *Voprosy psihologii*. 2003. No. 2, pp. 33–41. (in Russian)
2. Leont'ev A.A., Leont'ev D.A., Sokolova E.E. *Aleksej Nikolaevich Leont'ev. Deyatel'nost', soznanie, lichnost'*. Moscow, 2005. (in Russian)
3. Leont'ev A.N. *Filosofiya psihologii. Iz nauchnogo naslediya*. Pod red. A.A. Leont'eva, D.A. Leont'eva. Moscow, 1994. (in Russian)
4. Leont'ev A.A. *Deyatel'nostnyj um*. Moscow, 2001. (in Russian)
5. Brushlinskij A.V. Deyatel'nost' i oposredstvovanie. In: *Psihologicheskij zhurnal*. 1998. No. 6, pp. 118–126. (in Russian)
6. Petrenko V.F. Shkola A.N. Leont'eva v semanticheskom prostranstve psihologicheskoy mysli. In: *Tradicii i perspektivy deyatel'nostnogo podhoda v psihologii: shkola A.N. Leont'eva*. Moscow, 1999. (in Russian)
7. Leont'ev A.N. *Stanovlenie psihologii deyatel'nosti: rannie raboty*. Moscow, 2003. (in Russian)
8. Leont'ev A.N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'*. Moscow, 1977. (in Russian)
9. Leont'ev A.N. *Izbrannye psihologicheskie proizvedeniya*. V 2 t. T. 1. Moscow, 1983. (in Russian)
10. Leont'ev A.N. Iz dnevnikovyh zapisej. In: *Izbrannye psihologicheskie proizvedeniya*. V 2 t. T. 2. Moscow, 1983. (in Russian)
11. Ponomarenko V.A. Psihologicheskaya npravstvennost' uma i dushi A.N. Leont'eva. In: *Mir psihologii*. 2003. No. 2, pp. 10–20. (in Russian)
12. Tendryakov V.F. Proselochnye besedy. In: *A.N. Leont'ev i sovremennaya psihologiya: sb. statej pamyati A.N. Leont'eva*. Moscow, 1983. (in Russian)
13. Bratus' B.S. *Psihologicheskie aspekty npravstvennogo razvitiya lichnosti*. Moscow, 1977. (in Russian)
14. Leont'ev A.A. Tvorcheskij put' A.N. Leont'eva. In: *Leont'ev i sovremennaya psihologiya: sb. statej pamyati A.N. Leont'eva*. Moscow, 1983. (in Russian)